

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

СЕРДЕЧНЫЙ
ВЫСТРЕЛ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Кольчев, Владимир Григорьевич.

К60 Сердечный выстрел / Владимир Кольчев. —
Москва : Эксмо, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-04-168976-6

Нешуточные страсти полыхают на Дону. Местный криминал путем шантажа вынуждает частников за бесценок продавать ему свои земли. Очередной жертвой стал фермер Игнат Гуляев. В отчаянии он застрелил одного из бандитов, отнявших у него собственность, а потом застрелился сам. Однако участковый Родион Фомин не верит показаниям случайного свидетеля этого происшествия и разрабатывает свою версию. Особое мнение есть и у помощницы Фомина, следователя Скороковой. Не случайно она испытывала к погибшему бандиту особые чувства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кольчев В.Г., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-168976-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

По бескрайним просторам полей, через буераки, реки дул холодный, пронизывающий ветер. Но снега нет и не предвидится, земля не промерзает, хотя на дворе почти зима, конец ноября. Работа кипит, закатывается бетоном земля, строятся причалы. Трех домов для рабочих уже не хватает, поставили модульный бытовой городок, отопление пока электрическое, но котельная уже строится.

И складское помещение стоит, тоже быстровозводимой конструкции, но, видимо, под крышу помещался только ценный инвентарь и материалы, а вот доски оставили во дворе. Забор вокруг стройки металлический, листы подогнаны плотно, так просто их не отогнешь, пролом не устроишь. Но кто-то постарался, и доски утащили.

— Доска хорошая, строганая, пятерка, лиственница, — вздыхая, сказал прораб.

— Хорошая, — кивнул майор Фомин.

В стройматериалах он разбирался не очень, но строганую доску от грубой об-

резной отличить мог и сосну от лиственницы тоже. И пять сантиметров — солидная толщина.

— Основание для пола собирались класть, завезли доски, разгрузили. Сегодня прихожу... В заборе дыра, досок нет. Целый штабель вывезли, четыре куба. На сто тысяч, считай. Это по нашей цене, а на рынке за двадцать пять штук сейчас не подходит.

— Все равно будем считать по двадцать пять. — Фомин посмотрел на прораба внимательно и с плохо скрытой насмешкой.

Лес рубят — щепки летят, пилят — опилки, и то к рукам прилипает и другое, одним по-крупному, другим по мелочи. Проектная стоимость терминала два, если не три миллиарда рублей, деньги бешеные, закупки фантастические, четыре куба досок — песчинка в кузове самосвала. Начальника строительства эта пропажа не тронула, и Павлик не побеспокоился. Участкового вызвал прораб, ответственный за доски.

Павлик, Павел Германович, — ответственный и за терминал, и за весь район, в котором он строился. А Смальцев Евгений Петрович — генеральный владелец агрохолдинга «Быстрый Дон». Ему о пропаже четырех кубов древесины даже не скажут, а ведь он мог принять меры. И Смальцев мог, и Павлик, люди они серьезные, даже очень, если смогли протолкнуть на должность участкового своего человека. Фомин возглавлял участковый опорный пункт, а лейтенанта Скорокову прислали ему в помощь. Павлик мог не просто позвонить ей, а поставить задачу...

— Да как ни считай, а искать нужно, — сказал прораб, глянув на Фомина и с надеждой, и с подозрением одновременно.

Местный участковый мог забыть на поиски досок, а если вдруг возьмется за дело, не факт, что найдет их. Но вдруг все-таки начнет искать и найдет?

— Найдем, — кивнул Фомин.

Честно говоря, не хотелось ему заниматься этой мелочовкой. Еще в прошлом году он руководил целым отделом в одном из московских оперативно-разыскных бюро, работал по-крупному — и вдруг стал участковым в какой-то степной глуши. Правда, на новом месте тоже скучать не приходилось, и здесь, как оказалось, тоже имел место преступный беспредел. Фомин ввязался в борьбу с ним, и ему пришлось в таких передрыгах побывать, что мама не горюй. Однако он с честью преодолел все трудности, выдержал все испытания, и московское начальство пообещало забрать обратно в столицу, а местное предложило возглавить районный уголовный розыск. Лето, осень, зима, а он все еще здесь. Ощущение такое, как будто жизнь остановилась.

— А то ведь мне голову снимут, — пробормотал мужчина.

Родион спрятал улыбку. Доски могли оказаться теми самыми опилками, которые прилипли к рукам прораба. Украл, продал, но начальство заметило, спросило — пришлось обращаться в полицию. Но пропажу в любом случае нужно искать, Родиону все равно, кого выводить на чистую воду, прораба или еще кого-то.

— Пока что у вас тут гаечки сняли... — осматривая пролом в заборе, сказал Фомин.

Забор серьезный, опорные трубы вмурованы в землю, железные поперечные приварены, к ним

прикручены листы. Открутить гайку с болта можно было только изнутри.

— Кто-то из своих постарался, — предположил Родион.

Гайки могли открутить в рабочее время, а в ночное извне отжать листы и вынести доски. Строительный склад на отшибе терминала, но у самой реки. Берег уже отбит, подготовлен к бетонированию, опалубка там прочная, ходить по ней можно, как по тротуару. И работы по углублению дна в прибрежной зоне уже проведены, тут не то что лодку, сухогруз уже можно пришвартовать, хотя для этого существовали пристани — пока еще только на начальной стадии строительства.

— Да нет, у нас с этим строго, — мотнул головой прораб.

— Ну да, — не без насмешки глянул на него Фомин.

Очень удобно свалить все на местных, только вот в полиции не дураки работают.

Доски хранились у самого забора, на земле остались только бруски. Судя по расстоянию между крайними подкладками, длина доски составляла три-четыре метра. Длина обычной лодки — четыре метра плюс-минус малость. Непросто на таком суденышке вывезти доску, но возможно в несколько заходов, если лодка обычная с навесным мотором. На веслах доску точно не вывезти. Солидных размеров катер мог забрать все доски сразу. Но опять же, мотор, даже самый тихий, все равно можно услышать. А стройка охранялась. Скорее всего, без своих кража не обошлась.

— Кто имел доступ на складской двор? — спросил Фомин.

Он собирался получить список допущенных к складу лиц, а затем уже осмотреть место, где доски могли грузиться на лодку. Или тропку осмотреть, по которой краденое могли вынести к машине. Но про-раб еще только думал, кого назвать из затребованного списка, а Родион уже заметил знакомое лицо. Во двор медленно задним ходом въезжал грузовик с арматурой; машину сопровождали грузчики, а среди них — Слава Стенькин.

Фомин не стал ничего говорить, он всего лишь кашлянул в кулак. В станице Пшеничной Слава Стенькин если не легенда, то, как минимум, притча во языцех. Если где-то что-то стряслось, иди к Стенькину, он в лучшем случае в курсе, а в худшем соучастник. Чэпэшник, одним словом. И еще Родион вычислил закономерность: если Слава от-метился где-то по мелочи, жди беды по-крупному.

В свое время Слава всего лишь наорал на собаку, напугав ее и заставив убежать, а закончилось это тем, что в Пшеничную нагрянули киллеры, чтобы застрелить Майю — первую красавицу района — на ее свадьбе. Фомин мог погибнуть в противостоянии с преступниками. Чуть погодя Стенькина заподозрили в нападении на мужа Майи, а закончилось все тем, что сам Фомин едва не погиб от рук наемников. В самом конце лета Стенькин украл полковничью форму, за это получил по голове дубинкой, отчего потерял память. А дальше последовала целая череда кровавых событий. Майю похитили, Родион рисковал жизнью, освобождая ее. Не прошло и месяца,

снова ЧП — Славу избили на стройке, где он сейчас работал. Всего лишь избили, но Фомин понял, что впереди его ждет новый всплеск насилия. И точно, отморозки, избившие Славу, ограбили отца Майи, ударив его ножом. Ребята эти работали на Павлика, лейтенант Скорокова помогала им уйти от ответственности. Фактически она предала Родиона, но до сих пор они служат вместе, потому как их не могут развести. Его не переводят к новому месту службы, а она не хочет никуда уходить. Не для того ее ставили на Пшеничное, чтобы служить абы где.

— Давайте список, Олег Михайлович, а я скоро.

Фомин попрощался с прорабом, незаметно для Стенькина покинул складской двор, вышел к своей машине и отправился в Пшеничное.

Возможно, Стенькин и не причастен к краже досок, тем не менее Фомин подъехал к дому, где жил со своей сестрой Слава, подошел к воротам.

Забор низкий, штакетный, ржавая немецкая кашка на деревянный опорный столб надета, гвоздем намертво прибита — ни снять, ни оторвать. Будка есть, а собаки не видно, не слышно — можно даже во двор зайти. Но только осторожно, чтобы Зина, сестра Славы Стенькина, не облаяла. А она может. Облает, как собака, и тут же приласкается, как кошка, это у нее в порядке вещей.

Но Фомина интересовала сейчас не Зина, он осматривал двор через забор, не видно ли где досок в штабеле. А ведь лежит что-то за домом, концы, покрытые рубероидом, виднеются, на доски похоже.

Дверь не открывалась, занавески в окнах не шевелились, никто не реагировал на появление Фоми-

на. Он уже собрался открыть калитку, когда заметил Зину. Она шла по улице, возвращаясь откуда-то, в каждой руке несла по сумке. Круглолицая, полнощекая, грудь пышная, полновесная. Летом душа нараспашку, а сейчас под пальто, застегнутом на все пуговицы, грудь скрыта.

— Товарищ майор! — и заигрывающе, и с тревогой улыбнулась Зина.

Одно время она все порывалась накормить Родиона борщом, охладить его окрошкой и согреть горячим дыханием своей знойной груди. Но Родион и тогда любил свою Леру, и сейчас жил с нею, не изменяя...

— А вы из магазина, Зинаида Павловна? — Фомин смотрел на сумки в руках женщины.

Одна холщовая сумка, другая из кожзама и с длинными ручками. Это в городе возвращаются с полиэтиленовыми пакетами из магазина, а здесь больше хозяйственные сумки в ходу. Тем более что Зина работала в магазине, сама продавщица, так что есть что с работы таскать.

— Да нет, мясца вот прихватила, — кивнув на холщовую сумку, сказала женщина.

— Из магазина?

— Да нет, Петр Сергеевич кабанчика забил.

— Петр Сергеевич, — сдержав улыбку, кивнул Родион.

Ходили слухи, что Зина сошлась с пожилым вдовцом, вроде как живет с ним. А сам Слава Стенькин, говорили, ухлестывал за Майей. Как у них там складывалось, Родион не знал, не интересовался...

Нехорошо у Фомина с Майей вышло. Она бегала за ним, он — от нее. Она развелась с мужем, Варшавин

сделал ей предложение, она отказалась от заманчивой перспективы стать женой наследника миллиардного состояния. Зато Лера не устояла. Два года противилась Варшавину, но все же не устояла от искушения и переметнулась к нему. Родион потянулся к бутылке, Майя пришла на помощь, привела его в чувство, еще бы чуть-чуть, и они прошли бы точку невозврата в своих отношениях, но в самый последний момент появилась Лера. И Родион не смог ее прогнать. А Майя ушла. Ничего не сказала, просто ушла. И до сих пор молчит. Да и он не ищет с ней встречи. А она, возможно, ждет. Он чувствует, что ждет.

— А что? Мужчина положительный, хозяйственный, — зажеманилась Зина.

— А ночевали вы где?

— А вот это не ваше!.. — Зина слегка присела, разом поставив на землю обе сумки, набрала в легкие воздух, чтобы шумно возмутиться. Но, вспомнив о репутации своего братца, сдулась. — А что случилось?

— Да вот доски на терминале украли.

— Доски?.. Кто? — едва слышно, осипшим вдруг голосом спросила Зина.

— А где ваш брат работает?

— На терминале... На складе...

— Со склада доски и пропали.

— Да не мог Слава...

— А что у вас там за домом? На доски похоже.

— Ну, доски... Старые доски, сто лет в обед.

— А глянуть можно?

Доски действительно оказались старыми, потемневшими от времени. Восемь шестиметровых досок

толщиной семь-восемь сантиметров. Пользуясь случаем, Родион заглянул в летнюю кухню, там сразу возле двери висела рабочая одежда: летний комбинезон, телогрейка, такая же стеганая безрукавка, грязные джинсы.

К телогрейке даже прикасаться не пришлось, свежая древесная пыль бросалась в глаза. Пыль, опилки — все, что на досках бывает. На рукавах пыль, на кармане, на животе. Длина пропавших досок не превышала четырех метров, их можно было переносить и в одиночку, прижимая к себе для удобства. Вот Слава и прижимал.

- А я могу взять телогрейку? — спросил Фомин.
- Фуфайку, что ли? Ну, берите... А зачем?
- Да, может, и не пригодится.

Ватник он бросил в багажник, сел в машину, отряхнул руки. Стенькин ему ни сват, ни брат, но крутит с Майей и вроде как соперником приходится, так что над Родионом будут зло смеяться, если Слава сядет за кражу. Одним словом, замять дело нужно, это не так уж и сложно. Стенькин возвращает похищенное, его увольняют, на этом дело и заканчивается.

Фомин отправился обратно к терминалу. Проезжая мимо участка, увидел черный, сверкающий лаком «Гелендваген». Павлик пожаловал — красавицу свою навестить.

Еще вчера Скорокова даже на холодный ветер не жаловалась, а сегодня заболела ангиной. Горло изнутри разнесло, голос охрип, поднялась температура. Родион отправил ее в больницу, а на терминал по вызову отправился сам. Но, видимо, Скорокова

к врачам решила на обращаться. Возможно, позвонила Павлику, он привез лекарства, заодно и навещил больную. Это их личное дело. Жаль, что грязно смешанное со службой.

Скорокова каялась, говорила, что не могла отказать Павлику в его просьбе. К тому же она помогла Фомину задержать преступников, которых сама же и покрывала. Да и девчонка она по своей сути далеко не гнилая. Тем более что она, в общем-то, и не предавала, а всего лишь следовала согласно изначально поставленной ей задаче. Родион ее даже простил. Только вот забыть не мог. Потому не особо переживал. Ну, ангина, и что? Сама заболела, сама и вылечится.

И Павлика видеть он не хотел. Не нравился ему этот тип. В ограблении Туманова он не участвовал, но преступников покрывал. Значит, с самого начала знал о похищенных деньгах. На допросах Кальмар уверял, что действовали они по своему усмотрению, Павлик не руководил, не направлял, но все равно подозрительно. Тем более что Кальмар со своими отморозками помогал Павлику, запугивая местных фермеров, скупать у них землю. И Туманова он шантажировал, угрожая вынуть все скелеты из его шкафа. Жесткий он, хитрый, скользкий. Не хотелось с ним видеться.

Но и мимо Родион проехать не смог. Павлик выходил со двора, за ним шла Скорокова, они оба увидели его машину.

Здание опорного пункта делилось на две части: на рабочую и жилую. Родион и сам когда-то жил в комнате отдыха, сейчас там обитала Скорокова. Могла жить с Павликом, но предпочитала ночевать

в участке. Хотя и у него частенько гостила, не без того. А сейчас, возможно, он забирал ее к себе. Хорошо, если насовсем.

Родион остановил машину, вышел, кивнул Павлику. Рослый мужчина спортивного телосложения, движения и походка сильного человека. Темные волосы, короткая стрижка, широкое лицо, крупный, отнюдь не уродливый нос, желваки на скулах выделяются. Взгляд спокойный, но пронзительный. Черный кожаный плащ сидел на нем как влитой.

— Забираешь больную? — спросил Родион.

— Да, пусть побудет, я дом новый снял, тепло в нем, — одними глазами улыбнулся Павлик.

Родион помнил старый дом — реально из дерьма и палок. Опорная конструкция из веток, заполненная глиной и навозом. Летом в таких мазанках не жарко, а вот зимой холодно. И как только Павлика угораздило снять такую хибару — с его-то возможностями?

— А вы на терминал, товарищ майор? — охрипшим голосом с чувством вины спросила Скорокова.

Красивая она девушка, лицо светлое, взгляд ясный, улыбалась редко, а зря, зубы у нее ровные, белые. Стройная, но не хрупкая, руки цепкие, ноги сильные, и бегала она, как спринтер, и боевым самбо владела на приличном уровне. Но Родион расстанется с ней без всякого сожаления, даже рад будет расставанию. А в Москву его могут вызвать в любое время... А могут и не вызвать.

— Да вот, есть одна зацепка.

Павлик посмотрел на Скорокову с насмешкой, перевел взгляд на Родиона.

— Это вы про доски?